

УДК 316.42

Астоянц М.С.,
Россихина И.Г.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ

Ключевые слова: социальная инклюзия, индикаторы инклюзии, социальная инклюзия, социальная интеграция.

Статья подготовлена в рамках программы
государственной поддержки молодых ученых;
грант Президента Российской Федерации
МД-1575.2009.6

© Астоянц М.С., 2009
© Россихина И.Г., 2009

Идеи о необходимости социальной инклюзии для построения более справедливого, демократичного общества, развиваемые с недавнего времени на страницах российских научных и специальных журналов, привлекают к себе все больший интерес и внимание со стороны как ученых, так и специалистов-практиков. Однако проблема заключается в том, что понятие социальной инклюзии не имеет однозначного, четкого определения (что, впрочем, в социальных науках происходит весьма часто). И эта неоднозначность трактовки приводит к взаимному недопониманию участников обсуждения данного вопроса: о чем, собственно, мы ведем речь, когда говорим о социальной инклюзии?

На наш взгляд, эта ситуация обусловлена несколькими причинами. Во-первых, понятие инклюзии применяют и ученые, и специалисты-практики (преимущественно в сфере социальной политики), которые зачастую «говорят на разных языках». Во-вторых, социальную инклюзию нередко сводят к понятию образовательной инклюзии и даже еще уже – к образовательной инклюзии детей-инвалидов. Ведь большинство общественных дискуссий по теме социальной инклюзии сосредоточено на проблемах людей с ограниченными возможностями (прежде всего, детей), что создает представление о применимости инклюзии лишь в качестве подхода к обучению детей с ограниченными возможностями в рамках учреждений системы общего образования. На самом деле понятие образовательной инклюзии гораздо шире – в международном масштабе она все чаще рассматривается в более широком плане, как реформа, которая поддерживает и поощряет разнообразие среди учащихся. Цель инклюзивного образования заключается в

ликвидации социальной изоляции, которая является следствием негативного отношения к разнообразию с точки зрения расы, социального положения, этнического происхождения, религии, пола и способностей. Отправной точкой данного понятия является убеждение, что образование выступает одним из основополагающих прав человека и основой для более справедливого общества. Инклюзивное образование, в свою очередь, является условием для более широкой социальной инклюзии. Как было заявлено на международной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры «Инклюзивное образование: путь в будущее», проходившей в ноябре 2008 г. в г. Женеве, «инклюзивное образование является не второстепенным, а центральным вопросом для... создания более инклюзивных обществ».

Возникает вопрос: как соотносятся между собой такие понятия, как социальная эксклюзия, социальная инклюзия и социальная интеграция? Дело в том, что термины «социальная инклюзия» и «социальная интеграция» либо употребляются как синонимы, либо вообще противопоставляются. Педагоги-практики даже спорят о том, что лучше для детей с ограниченными возможностями – интеграция или инклюзия, а значит, вопрос определения становится в данном случае совсем не праздным: «В последнее время в сфере образования детей с нарушениями развития все чаще приходится наблюдать, как термину “интеграция” противопоставляется термин “инклюзия” и родственные ему понятия: “инклюзивное образование”, “инклюзивная среда” и т.п. ... Но в отличие от интеграции “инклюзия” даже терминологически является более узким понятием. Как следует из словарного анализа этого термина, инклюзия –

односторонний процесс, представляющий «внедрение» кого-то куда-то (очевидный насильственный оттенок), результатом которого является наличие в некоей среде инородного для нее “тела”... Поэтому инклюзия сомнительна и как результат – “включаемый” не становится в этом процессе естественной частью общей дружелюбной среды» [2].

Следует разобраться, как же все-таки связаны между собой понятия «социальная инклюзия» и «социальная интеграция». Обратимся к словарной статье Г. Эндрувайта, теоретика из г. Штутгарта, в которой он дает одно из наиболее полных рассмотрений дефиниции социальной интеграции. Исходный пункт авторской концепции интеграции – структурно-функциональная теория Т. Парсонса. Он напоминает, что у Т. Парсонса категория интеграции употребляется в двух смыслах: 1) как процесс адаптации системы к окружающей среде; 2) как процесс стабилизации (уравновешивания) системой всех ее элементов при ее изменениях (включении в нее новых элементов). Интересно, что во избежание путаницы Г. Эндрувайт разводит социологическую дефиницию интеграции («В самой общей системно-теоретической формулировке интеграция представляет собой процесс включения в систему новых элементов таким образом, что после этого они больше ничем не отличаются от прежних элементов этой системы. Особенность этого процесса точно отражает латинское слово “integer” – заверченный, неприкосновенный, полный и т.д.» [15, S. 307]) и политическую интеграцию, при которой «индивиды, группы или государства должны влиться во всеобъемлющую, включающую в себя и нивелирующую все более мелкие частные образования общность» [13].

Ключевой, на наш взгляд, здесь является связка: «интеграция представляет собой процесс включения в систему новых элементов». И это означает, что социальная инклюзия должна рассматриваться как процесс, ведущий к социальной интеграции, а сама интеграция – как результат этого процесса. Таким образом, инклюзия представляет собой активный процесс укрепления чувства принадлежности индивида или группы к сообществу, ведущий к социальной интеграции.

Сходный смысл имеет понятие социальной инклюзии у В. Ярской, которая под социальной инклюзией в широком смысле понимает «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу» [5, с. 11].

Разводя термины «интеграция» и «инклюзия», важно, на наш взгляд, подчеркнуть и то, что инклюзия – это процесс, происходящий с индивидами (социальными группами), а интеграция – процесс, происходящий в самом обществе. Интеграция может быть следствием инклюзии, но не наоборот. И это значит, что социальная инклюзия является подчиненным по отношению к социальной интеграции и более узким понятием.

Следующий вопрос: о связи этих понятий с термином «социальная эксклюзия». Концепция социальной эксклюзии, имеющая западноевропейское происхождение и получившая наибольшее признание в научных и политических кругах Великобритании, приобрела множество приверженцев среди политических деятелей и ученых разных стран. Обсуждение социальных проблем, возникающих вследствие процессов социального исключения, показывает, насколько неоднозначно

понимается и определяется эксклюзия как учеными, так и политиками.

Социальная эксклюзия (социальное исключение) – не только научный, но и социально-политический концепт, широко распространившийся в западноевропейских дискуссиях, связанных с проблемами бедности, маргинальности и депривации, с середины XX в. и весьма популярный в наши дни.

Как отмечает Э. Гидденс, «исключение не обозначает градацию неравенства, но является механизмом, отдаляющим группы людей от главного социального потока» [10, р. 105]. Он указывает на две основные формы социального исключения, проявляющиеся в современном обществе. Первая форма расположена на вершине социальной иерархии и связана с «добровольным исключением», элитным самоогораживанием. Вторая экстремальная форма – «жертв структуризации» – сосредоточена внизу иерархии, является результатом структурных и культурных изменений общества и, по мнению, Э. Гидденса, угрожает социальному пространству и солидарности.

Количество попыток дать определение социальному исключению велико. Это понятие неоднозначно, поскольку оно содержит различные экономические, социальные и политические аспекты. В качестве основных признаков исключения ученые выделяют динамичность, многомерность, кумулятивность и нарушение (разрыв) социальных связей. Мы понимаем под социальной эксклюзией многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества, и состояние отверженности индивидов или групп, возникающее вследствие этого процесса [1, с. 36].

Казалось бы, логично, если социальная эксклюзия будет рассматри-

ваться как противопоставление социальной инклюзии. Однако есть и иные точки зрения. Так, Р. Левитас, видная британская исследовательница социальной эксклюзии, утверждает, что понятие эксклюзии, появившееся изначально как инструмент описания разнообразных последствий бедности и неравенства, приобрело сегодня иные коннотации и противопоставляется не инклюзии, а интеграции. Причем имеется в виду интеграция преимущественно в рынок труда.

Регулярная занятость и получение доходов от нее рассматриваются правительством Великобритании как «лучшая защита от социального исключения», и лейбористы считают занятость «центральной... в борьбе с социальным исключением» [8]. Если принимать такую позицию за основу, лишь оплачиваемая работа может служить «обратной дорогой» к полному включению.

Как утверждает Р. Левитас, понятие «социального исключения приводит к обесцениванию неоплачиваемой работы и маскирует неравенство между оплачиваемыми работниками. В итоге игнорируется фундаментальное социальное разделение между классом собственников и остальной частью общества» [11, р. 5]. Р. Левитас критикует точку зрения, излагаемую в документах Еврокомиссии, согласно которой социальная эксклюзия представляется не естественным следствием природы капитализма, а лишь результатом воздействия некоторых неблагоприятных социально-экономических условий, из-за которых отдельные социальные группы оказываются исключены. Акцент на оплачиваемой работе как механизме преодоления социальной эксклюзии и способе сплочения общества, по мнению автора, характерен для неолибералов, для которых

«общество является только рынком» и кто желал бы, «чтобы интеграция в общество была только интеграцией в рынок».

По мнению Р. Левитас, такая трактовка эксклюзии восходит к теории Э. Дюркгейма о социальной солидарности, основанной на разделении труда. Главный тезис Э. Дюркгейма состоял в том, что разделение труда, под которым он понимал профессиональную специализацию, все более и более исполняет роль, «которую некогда исполняло общее сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрегаты высших типов» [3, с. 137]. Именно поэтому Э. Дюркгейм призывал «распределить труд таким образом, чтобы всякий был достаточно занят, увеличить, следовательно, функциональную деятельность каждого работника... Тогда самопроизвольно утвердился порядок» [там же, с. 312].

В определении социальной интеграции, данном тем же Г. Эндрувайтом, мы находим отголоски идей Э. Дюркгейма: «Интеграция служит системной стабильности... Рост разделения труда, идеологический плюрализм, административная децентрализация и т.д. предопределяют меры по интеграции во избежание дезинтеграции» [15, S. 309]. Дихотомическая модель исключения и интеграции в упрощенном виде несет в себе идею о том, что работа обеспечивает не только доступ к материальным ресурсам посредством заработной платы, но и культурную интеграцию [11, р. 12].

Выражением позиции неолибералов в дискурсивном пространстве Р. Левитас считает дискурс социальной интеграции, который узко сфокусирован на проблеме безработицы и экономической неактивности и предполагает достижение интеграции и социальной сплоченности через включение

ние в оплачиваемую деятельность [12, р. 7–8]. В случае с детьми важнейшей мерой должно стать получение образования как подготовка к дальнейшей оплачиваемой трудовой деятельности. Именно в рамках этого дискурса может рассматриваться высказывание британского премьер-министра Тони Блэра: «Лучшая защита от социального исключения – это иметь работу, и лучший путь иметь работу – это получить хорошее образование, иметь хорошие навыки и опыт» [7].

Действительно ли социальная эксклюзия терминологически должна быть противопоставлена интеграции? Критическим аргументом против этого является мысль о том, что сама эксклюзия может быть формой интеграции. Эта мысль была высказана еще Н. Луманом, который писал: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра. Что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения. В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние» [4, с. 102–103]. Здесь у Н. Лумана ясно обнаруживается два типа интеграции: основанная на исключении и на включении. Следовательно, социальной эксклюзии может быть противопоставлена лишь социальная инклюзия.

Связанные друг с другом понятия (эксклюзия и инклюзия) не могут рас-

сматриваться в отрыве друг от друга. Определяя некоторым образом факторы социальной эксклюзии, мы тем самым предопределяем направленность наших дальнейших действий по борьбе с социальным исключением путем воздействия именно на эти факторы и, следовательно, намечаем пути социальной инклюзии в соответствии с этим определением.

Социальное исключение может быть определено как возникающее в связи с ослаблением одной или более систем, являющихся фундаментальными для функционирования общества [14]. Применяя системный подход, ученые выделяют ряд таких систем и рассматривают процесс и результат исключения из них. В таблице приведен один из вариантов, предложенный Ф. Фаррингтоном [9].

Социальные системы, из которых люди оказываются исключены

Система	Подсистемы
Социальная	Семья, рынок труда, соседство, сообщество, общество
Экономическая	Ресурсы (зарботная плата, социальная безопасность, страхование, активы), рынок товаров и услуг
Институциональная	Законодательная система, образование, здравоохранение, политические права, суд, бюрократия
Территориальная	Демографическая (миграция), коммуникации (транспорт и связь), сообщества (депривированные территории)
Символические отношения	Идентичность, социальный статус, самооценка и самоуважение, интересы и мотивация, возможности, перспективы

Спорным является вопрос, сколько именно систем оказывается нарушенными в случае социального исключения. Так, П. Стройбель говорил о нарушениях только одной из этих систем [14, р. 179], а Р. Аткинсон считал, что «мы можем говорить о социальном ис-

ключении индивидов или групп только тогда, когда происходит ломка нескольких систем вследствие цепной реакции» [6, р. 1041]. В многомерной модели Ф. Фаррингтона, приведенной выше, необходимым условием социального исключения также является нарушение функционирования нескольких систем.

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что социальное исключение возникает вследствие множественных нарушений подсистем общества, а следовательно, социальная инклюзия также должна быть многомерной. Среди аспектов (направлений, мер) социальной инклюзии в этих социальных подсистемах следует выделить политико-правовые (возможность реализации своих прав и интересов), социально-экономические (искоренение бедности, наличие достойно оплачиваемой работы, качественное жилье и коммунальные услуги), социокультурные (доступное и качественное образование, включенность в культурную жизнь сообщества) и др.

Социальная инклюзия на индивидуальном уровне предполагает совокупное наличие по крайней мере трех компонентов: это включенность в группу, включенность в деятельность и (субъективный компонент инклюзии) чувство включенности, принадлежности, позитивная самоидентификация, эмоциональный контакт с социумом. Инклюзии также будут способствовать личностная (как, впрочем, и социальная) активность, общительность, развитый круг интересов. Определенными характеристиками должно обладать и общество, способствующее активизации инклюзивных процессов (инклюзивное общество), – быть открытым, принимающим, т.е. предоставлять индивиду возможность включения.

Для построения системы индикаторов социальной инклюзии мы в основ-

ном использовали вышеописанную многомерную модель Ф. Фаррингтона, выделяя подсистемы общества, включение в которые нам представляется весьма важным для характеристики инклюзии (степени инклюзии) индивида и инклюзивности (степени инклюзивности) общества (сфер общества). Такими подсистемами являются:

- политическая (политико-правовая, социально-политическая, в том числе самоощущение индивида по поводу защищенности и стабильности);
- экономическая (экономическое положение, доступность экономических благ, положение на рынке труда);
- социокультурная (образование, досуг, общественно значимая деятельность – доступность и вовлеченность);
- социальная (различные аспекты социального взаимодействия, включенность в сообщество);
- территориальная (обеспеченность инфраструктурой, коммуникациями);
- символическая (идентичность, социальный статус, самооценка и самоуважение, интересы и мотивация, возможности, перспективы).

В качестве конкретных индикаторов социальной инклюзии для детей и молодежи могут быть выделены разнообразные жизненно важные параметры, характеризующие каждую из общественных подсистем и предполагающие анализ на основе трех вышеуказанных компонентов.

Индикаторы политической подсистемы: политическая грамотность (знание законов, прав и обязанностей); общественно-политическая активность (участие в общественных и политических объединениях, организациях); доступность социальных благ и льгот, возможность воспользоваться ими

(в том числе информированность); чувство социальной защищенности, стабильности (субъективная составляющая).

Индикаторы экономической подсистемы: экономическое (материальное) положение и возможности потребления не ниже, чем у сверстников; экономическая грамотность (умение распоряжаться деньгами, знание основ экономической системы общества); мотивация на честный труд как основу благополучия; включенность в оплачиваемую деятельность, соответствующую моральным и правовым нормам общества; ощущение своего экономического положения как нормального, соответствующего положению сверстников.

Индикаторы социокультурной подсистемы: успеваемость в образовательном учреждении (хотя бы на удовлетворительном уровне); посещаемость образовательного учреждения (отсутствие прогулов); мотивация на получение (повышение уровня) образования; ценность образования; профессиональная ориентированность, обладание компетенциями, значимыми для будущей профессиональной деятельности; доступность получения качественного образования (индивидуальные, дополнительные занятия, гибкие учебные планы, индивидуальные образовательные траектории); дополнительные образовательные возможности (подготовительные курсы, занятия по интересам и пр.); участие в культурно-досуговой деятельности наравне со сверстниками (школьные мероприятия, занятия спортом, посещение театров, музеев, экскурсии и др.); уровень культуры (бытовая культура, художественная культура, этнокультура, информационная культура и пр.); включенность в общественно значимую деятельность; чувство принад-

лежности к определенной культурной группе (субъективная составляющая).

Индикаторы социальной подсистемы: наличие значимого взрослого; наличие значимой группы (друзья); семейно-родственные связи; широкий круг общения; ощущение групповой общности (субъективная составляющая).

Индикаторы символической подсистемы: позитивная идентичность, высокая самооценка и высокий уровень самоуважения, удовлетворенность настоящим; уверенность в завтрашнем дне (достижение успеха, позитивное видение своего будущего).

Применение всей совокупности индикаторов позволит выявить степень социальной инклюзии детей и молодежи. Разумеется, предложенная система индикаторов инклюзии детей и молодежи является предварительной и подлежит эмпирической верификации. Она может быть подвергнута критике, а также может быть дополнена. Возможен как комплексный анализ, так и анализ состояния отдельных подсистем общества на основе тех инклюзивных возможностей, которые они предоставляют молодым людям. Эмпирическая апробация предложенных индикаторов, которую мы планируем осуществить на материале анализа системы образования и социальной защиты населения в отношении социальной инклюзии одной из самых уязвимых групп общества (детей-сирот), даст, помимо прочего, и возможность глубже понять сущность, формы и характеристики такого комплексного явления, как социальная инклюзия.

Литература

1. Астоянц, М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация) / М.С. Астоянц. Азов: АзовПечать, 2009.
2. Дименштейн, Р. Интеграция или инклюзия? Споры о словах и нерешенные проблемы

- образования особых детей / Р. Дименштейн, И. Ларинова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.osoboedetstvo.ru>.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. Одесса, 1900.
 4. Луман, Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество / Н. Луман // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. С. 94–108.
 5. Ярская, В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства / В.Н. Ярская // Образование для всех: политика и практика инклюзии: сб. науч. статей и науч.-метод. материалов. Саратов: Научная книга, 2008.
 6. Atkinson, R. Combating Social Exclusion in Europe: The New Urban Policy Challenge / R. Atkinson // Urban Studies. 2000. Vol. 37.
 7. Bridging the gap: new opportunities for 16–18 year olds not in education, employment or training // Social Exclusion Unit. 1999 [Electronic resources]. Mode of access: <http://www.dfee.gov.uk>.
 8. Council Employment and Social Policy // Objectives in the Fight Against Poverty and Social Exclusion – 2000 [Electronic resources]. Mode of access: <http://europa.eu.int>.
 9. Farrington, F. Towards a useful definition: advantages and criticism of “social exclusion” / F. Farrington [Electronic resources]. Mode of access: <http://www.nof.org.uk>.
 10. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy / A. Giddens. Cambridge: Polity Press, 1998.
 11. Levitas, R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony / R. Levitas // Critical Social Policy. 1996. Vol. 16.
 12. Levitas, R. The inclusive society? Social exclusion and New Labour / R. Levitas. Basingstoke: Macmillan, 1998.
 13. Lexicon zur Geschichte und Politik im 20 Jahrhundert / Hrsg. von C. Stern. Koeln: Kiepenheuer & Witsch, 1971. B. 1.
 14. Stroebe, P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? / P. Stroebe // International Social Science Journal. 1996. Vol. 48.
 15. Woerterbuch der Soziologie / Hrsg. von G. Endruweit, G. Trommsdorf. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1989.